

...БАЧАНА говорил на родном, грузинском языке, но мы все понимали. Голову жиммали научники, в которых женский голос произносил русский текст, но не манерности и бестрепетно — по традиции, а горячо, играя за всех актеров, страдая, восхищаясь, любуясь, злорада, угрожая. В этом тоже была Грузия!.. И пение — знаменитое грузинское многоголосие — естественное, как дыхание, единичное упорное для слушателей и исполнителей... Этот театр из Сузума сразу покорил зрителей — сердечностью, музыкальностью, непринужденной пластикой, выразительностью жестов... Но Бачану мы поминали, потому что давно — со дня его появления — роман Нодара Думбадзе вошел в наш Духовный мир.

Признаемся, не так уж часто помнят произведения литературы, где присутствует личность, выражающая время крупно, сложно, полно. Не случайно заметное место на сценах заняли разные версии романа Нодара Думбадзе. Есть и белорусская, в Купаловском театре, с Виктором Тарасовым в роли Бачаны.

И вот — парад нами, можно сказать, первоисточники: спектакль Сузумского Грузинского драматического театра имени Константина Гамсахурдиа. История души человека, сюжетно связанная с историей болезни: неравнодушное сердце слишком часто испытывалось на разрыве временем, жизнью, людьми, и, наконец, не вышло. Спектакль так и строится — на неровном ритме бьения сердца. Режиссер Г. Жордания избегал близко лежащей внешней ассоциации. Стремился достичь внутреннего напряжения спектакля, он строит его как цепь эпизодов, всплывающих в сознании тяжело больного человека: здесь вся его жизнь, где зло и добро свалены вместе не на шутку, где крошится судьба и где круговая порука зла противоборствует добру.

В спектакле, который порой кажется привычно накатанной дорогой, а то и сбивается на скороговорку, негромко, но сильно и сердечно звучит голос Бачаны — Георгия Кавтарадзе. Нас трясет блестящими художественная правда, то огорчает многоголосие, но все может быть оправданно даже единственным моментом истины: Бачана — Кавтарадзе подходит к рампе, чтобы взглянуть в наши глаза, чтоб мы заглянули в его — полные муки, надежды, любви, с которыми он поведает нам свои раздумья о мире и о сегодняшнем дне. И слово услышит наши...

Вот так мы познакомились с актером, который берет на себя ответственность говорить с нами о главном. О том, что одинаково важно на всех языках. О чести. О бесчестии. О совести. О стыде. О душе...

В другой вечер, в шекспировском «венетиканском купце» (последнем спектакле Дмитрия Алексидзе, замечательного режиссера и педагога, учителя Георгия Кавтарадзе), он снова со сцены говорит — о нравственности.

Шейлон в исполнении Г. Кавтарадзе — не только виртуозная работа (кажется, можно ходить на спектакль, чтобы учиться владению актерской профессией средствами выразительности...), но и философское осмысление художником своего времени, его умение почувствовать человеческую боль — и оковать свою личную ответственность за всеобщую человечество. Ненавидя Шейлона саморазрушающе, она берет вера над здравым смыслом: ослепленный ненавистью, желая сокрушить обидчика, он сокрушает свой собственный мир. Дразнящая высокомерный, настоенный, Шейлон с первого появления ожидает и всем своим обликом пророчит беду. Зло, порожденное злом, в свою очередь становится источником нового зла, мимолет его — если не прервать порочный круг. Нравственное право — право-справедливости — вот содержательное начало человечности. Тема куда

как актуальная... Спектакль, поставленный «на Кавтарадзе», выделяет именно эту тему — актер ведет ее мощно и звучно.

Для эти роли представляли нам актёр-мыслителя, актёр-лидера, способного взять на себя всю смысловую, идейную нагрузку спектакля. Актера, обладающего даром мгновенно и полностью перевоплотиться: показавшись, что Бачана — мягкий, но неуступчивый, деликатный, слышающий гневом, но прежде всего интеллигентный, сдержанный... — это и есть сам актер, это и есть его индивидуальность. Но уже выходящий из пьесы Кавтарадзе — возбужденный,

Только Актер остался Актером, а вор Васяка Пепел — вором...

Режиссер чувствует потребность поделиться с нами своей тревогой, сегодняшнюю болью именно таким образом. И пусть импровизировать такти актеры не привыкли, но уже делают первые шаги в этом направлении. Сказав «а», надо бы уж пойти дальше; импровизация в тексте довольно-таки вялая... Но...

Можно представить, как сложно было «пробовать» подобное самозовство (прежде чем поставить спектакль в Сузуме, Кавтарадзе ставил его в Чехословакии, в Братиславе; соавторы «импро-

Гастроли

Талант, который „заметили“

еще не остывший после спектакля, с озорно и победно блестящими глазами, — поколебал это впечатление. Мягкий, сдержанный? Такая индивидуальность! Как бы не так...

Михаил Туманишвили, известный грузинский режиссер и педагог, на последней странице своей книги «Режиссер уходит из театра» пишет: «... Кто идет за мной? Перебираю в памяти молодых и пытаюсь догадаться, кто из них может стать лидером завтрашнего театра. Сегодня — это мои ученики Роберт Стурца и Темур Чхидидзе, Гог Кавтарадзе и Нугзар Лорджиданидзе...»

Имена известные, знаменитые. Но, заметим, Кавтарадзе в свое время покинул родной Тбилиси и уехал на периферию и уже много лет работает то в Батуми, то в Кутаиси, а теперь — в Сузуме, каждый раз заново создавая свое дело. Настоящий режиссер не может ждать, его мучает страсть ставить спектакли, организовывать актёров. Ему непременно нужно открывать театральные Америки — это ведь неизлечимая режиссерская болезнь. «Я не верю в потерянные таланты, которых не заметили, — говорит Туманишвили, — их невозможно не заметить, они по-торопшему названы: если их выгнать в дверь, они влезают в окно. В этом, может быть, и есть секрет таланта: неистовство в своей профессии».

В спектаклях актера Кавтарадзе ощущаешь его незаменимость: трудно представить, что кто-то другой играет эту же роль — такова полнота, смелость, самоотдача его.

А в «На дне», импровизации по одноименной пьесе», постановщик спектакля, кажется, мог бы (да и должен!) играть все роли, все, без исключения, и мужские, и женские. Кажется, он остановился, сменяемый творческой жадностью, — и не стал играть ни одной. Зато мы увидели целый ансамбль превосходно сыгранных ролей: ярких, с острой, какой-то небывалой полнотой высказывания, с личной болью. Спектакль переводит пьесу в сегодняшней день, «поднимает» из подвала — из чердак современной многоэтажки, где вместо нар — знакомые глаза спяльщики; конкретизирует место — город у моря, время — «смертный сезон», который затмевает у обитателей чердака надолго, может быть, навсегда, без всякой надежды выбраться. Перечень действующих лиц шокирует: Костылев — врач, Васисили, жена его, — художница, Наташа — студентка, Квещ — скульптор, Барон — конференсье, Сатни — писатель...

визация — Я. Ференчи, П. Пашка), можно вообразить, как обижались ревнители чистоты классики. Можно — потому что в спектакле входило трудно, преодолевая сопротивление традиции, священного трюкета перед классикой, ощущая, что и ты, зритель, чем-то покушаешься на нее, недосдающему. Дерзость обескураживает, но в какой-то момент ты почувствуешь, что, как в вору, втягиваешься в это действие, потому что, оказывается, это и твои проблемы, твоя драма, твои тунки... Есть другие «На дне», и есть в постановках свои победы и вершины, но сузумский спектакль уже входит в духовный опыт видевших его...

Холод, разобщенность, горькая потеряность героев, редкое единение их: каждый раз как печальный итог или предвещание трагических событий возникает бубный «Сиртаки» — пляска-вопля, пляска-отчаяние. Ключевая сцена во втором акте, вбирающая в себя все начало и конец спектакля, с монологом Сатни — сыгранным по-бразговски наשמילиво-искренне, с горячю, болью и едкой иронией. Ошеломляющий финал, когда обитатели «дна», потрясенные гибелью Актера, в ужасе бегут... все-таки унося свои пожитки, возвращаясь, хватая забытое...

Н. Бекаури (Сатни), М. Брекашвили (Васяка), С. Пачкория (Квещ), Д. Джамали (Барон), Д. Гачениладзе (Бубное), Н. Чхутурия (Аляшка), Л. Хуртия (Настя), Н. Хуртия (Наташа), М. Колбза (Актер)... Когда артисты сели на край сцены в раздумье о том, что же случилось с их героями, что происходит сегодня с нами, — мы увидели их самым крупным планом: живая мысль, чувство, полное актеров искусство царило здесь...

И захотелось смотреть их спектакли — все подряд. И совсем уже не мешали научники... И женский голос в них — в нем была и любовь, и горе, и радость — был голосом друга, помогающего понять...

Многого может театр. Может возвысить дух, может приобщить к подлинной красоте. Может рассказать нам о нас самих, может гневаться с нами, печалиться с нами, радоваться с нами.

Может, говоря по-грузински, быть поделым. Может зритель Белоруссии сделать единомышленниками и друзьями грузинского национального театра — яркого, горячего, праздничного, до мозга костей демократичного, подвижного, готового к поискам и переменам.

Л. БРАНДОВСКАЯ.